

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

УДК 340.11

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕОНТОЛОГИИ

Рыскельдиева Л. Т.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина

Статья касается одной из фундаментальных проблем философии права – проблемы обоснования деонтологии. Осуществлен поиск идейных оснований юридической деонтологии на основе её сравнения с деонтологиями медицинской и педагогической, а также на основе реконструкции основных моментов её исторического становления.

Ключевые слова: деонтология, обоснование, анализ, критика, коммуникация.

Процесс обоснования деонтологии является её своеобразной философской «легитимацией», ибо сама деонтологическая идея – «должное» – демонстрирует неустрашимую связь между правоведением и философией, связь, благодаря которой сам феномен права, его смысл и назначение могут быть осмыслены и подвергнуты рефлексии. Недостаточная исследованность этой проблемы дает основания для вывода о её актуальности.

Целью данной статьи является поиск тех идей и понятий, которые могут служить делу обоснования юридической деонтологии. Для достижения заявленной цели мы решим следующие задачи: 1) выявить характер и основные направления современных деонтологических исследований; 2) реконструировать основные моменты рефлексии деонтологической идеи в истории философской мысли. На основе их решения мы укажем те основные идеи и понятия, которые могут служить основанием юридической деонтологии.

Можно утверждать, что деонтологические исследования философского плана последнее время активизировались, в их рамках сформировалось несколько основных направлений. Во-первых, это деонтическая логика, где бесспорным авторитетом стал Г. Х. фон Вригт [см. 1], который видит её истоки одновременно в двух традициях – одна восходит к Лейбницу, другая – к Бенхаму. Однако, по его мнению, ещё никто из логиков не осознал этих истоков и принципиальной разницы этих традиций. Изучение нормативных высказываний и связанных с ними понятий «обязательно», «разрешено», «запрещено», «безразлично» показало междисциплинарный характер деонтических изысканий, однако, при этом, как утверждают специалисты, остаются открытыми многие вопросы. Их диапазон широк: от специальных (какова связь деонтических и ассерторических высказываний? почему возможна аналогия между алетической и деонтической модальностями?) до самых общих (каковы философские основания всей деонтической логики? почему импликации деонтической логики в области права часты и порой успешны, а в философии морали столь затруднительны?) [см. 2, с. 8].

Во-вторых, это деонтологическая этика как направление прикладной этики, включающей в себя целый спектр проблем – от вопросов экологии, прав животных, вегетарианства до проблемы эвтаназии и взаимоотношений врача с больным [см., напр., 3; 4]. И эта сфера исследований испытывает дефицит определенности: в конечном счете, решение «прикладных» вопросов связано с выбором личностью того или иного типа этического мировоззрения [см. 5]. В-третьих, это широкий спектр социально-политических и философско-правовых изысканий, пытающихся преодолеть дихотомию «либерализм (индивидуализм) / коммунитаризм» и найти точки сопряжения между кантианской «деонтологической точкой зрения» и аристотелевской «телеологической перспективой», между «нормой» и «целью» (Рикер П.) [см. 6].

Наряду с широкими философскими исследованиями деонтологического характера давно существует традиция, мы бы сказали, позитивной, то есть научной деонтологии, сохранившейся в сердцевине традиционного светского образования – юридическая и медицинская деонтология как области специальных исследований и как учебные дисциплины, к которым можно добавить и сравнительно недавно заявившую о себе педагогическую деонтологию. Можно ли утверждать, что между этими деонтологиями существует единство – дисциплинарное, методологическое, идейное? Существует ли методологическая определенность в области специальных деонтологий?

Понимание роли и места этих дисциплин в системе специальных наук у авторов специально-деонтологической литературы, на наш взгляд, отличается методологической неопределенностью. Так, например, юридическая деонтология может пониматься: широко – как «наука, которая наряду с моральными, анализирует требования (нормативы) психологического, политического, правового, экономического, экологического, этического, эстетического, информационного характера, предъявляемые к профессиональной культуре юристов...» [7, с. 7]; узко – как «наука о применении общих и специальных норм морали в специфических условиях практической деятельности юристов...» [7, с. 6]; традиционно – как «учение о соотношении должного и сущего в юридической практике» [8, с. 14]; современно – как «система знаний о том, что должен делать юрист, чтобы вернуть себе уважение общества» [8, с. 5]. О педагогической деонтологии как о сравнительно новой дисциплине заговорили в последнее время, вокруг неё ведутся споры и дискуссии [см. 10] и чаще всего её определяют как науку о профессиональном (должном) поведении педагога.

В таком контексте довольно трудно отличить цель, задачи и смысл, например, юридической этики от того же в юридической деонтологии (ср.: «...профессиональная этика юриста формируется на основе взаимосвязи и взаимообусловленности правовых и нравственных принципов, норм правового и нравственного сознания» [11, с. 26]). Такая же размытость теоретических оснований и формулировок, методологическая неопределенность исследования и нечёткость его границ обнаруживается и в области медицинской деонтологии, например: «Деонтология должна рассматриваться как наука о моральном, эстетическом и интеллектуальном облике человека, посвятившего себя благородному делу – заботе о здоровье человека, о том, каковы должны быть взаимоотношения между медиками, больными и их родственниками, а также между коллегами в медицинском коллективе и

целыми учреждениями социалистического общества, участвующими в борьбе за жизнь и здоровье людей» [9, с. 21].

Позитивно-деонтологические дисциплины отличает, мы бы сказали, квазинаучность: «наука об облике», «знание о том, как вернуть себе уважение», «наука о поведении». Это связано с общим для этих дисциплин пафосом (воодушевление, подъем) и патетикой (взволнованность, обеспокоенность) в постановке деонтологических проблем. «Душевный подъем» и «обеспокоенность» как характеристики эмоционального состояния того, кто ставит проблемы и пишет текст, то есть, автора возникают вполне естественно – деонтологическая дисциплина затрагивает сферу человеческих взаимоотношений, эмоциональная доминанта в них неустранима. Её невозможно устранить даже тогда, когда эти отношения должны быть предельно формализованы, например, в случаях отношений судья-подсудимый, хирург-оперируемый, педагог-ученик. Сложную проблему формализации неформализуемой эмоциональной компоненты каждая дисциплина решает своими силами, с учётом профессиональной специфики. Так, предметом юридической деонтологии в этом контексте может стать «свод правил, определяющих режим профессионального общения юриста» [7, с. 11], задача медицинской деонтологии может стать тем, чтобы «постоянно напоминать медицинским работникам, что медицина должна служить пользе больных людей, а не больные люди – пользе медицины» [9, с. 22].

В специальных деонтологических дисциплинах легко обнаружить общее:

1) каждая касается специальной профессиональной коммуникативной ситуации, ситуации общения, в которой участвуют преимущественно двое (врач-больной, учитель-ученик, адвокат-клиент);

2) тексты, принадлежащие каждой такой ситуации, имеют своим адресатом одного из участников коммуникации: врача (например, клятва Гиппократ, Факультетское обещание русских врачей, Женевская декларация), педагога (например, Закон «Об образовании», Конвенция ООН о правах ребенка), юриста (например, Каноны профессиональной этики Американской Правовой Ассоциации, Уставы, кодексы чести и др.);

3) разграничивая область формализуемых и неформализуемых нормативов, каждая дисциплина стремится аналитически прояснить неформализуемую часть, указать специалисту на тот аспект коммуникативной ситуации, где решение принять может только он лично, беря на себя ответственность.

Таким образом, в каждой специальной деонтологической дисциплине можно увидеть две части: одна касается осведомленности специалиста, необходимости изучать, знать основные положения нормативных документов, касающихся его профессиональной деятельности и регламентирующих его поведение как специалиста. Эта часть имеет, очевидно, конвенциональный характер и её можно назвать основами профессиональной этики. Со второй частью, в основном, связаны все дисциплинарные неясности и вся дисциплинарная патетика, из-за этой части всякая специальная деонтология может рассматриваться «в разных смыслах», она придаёт всякой деонтологии оттенок междисциплинарности. Эта часть, мы бы сказали, имеет непосредственное отношение к практической коммуникативной философии: она имеет целью определенную «коррекцию» коммуникативной ситуации при её воз-

можных искажениях, саморефлексию специалиста в ситуации «Я-Другой», то есть, каждый раз принятия самостоятельного решения по вопросу о соотношении сущего и должного.

Решение вопроса о соотношении сущего и должного далеко от простоты очевидности. Многоаспектность этой проблемы хорошо иллюстрируется на историко-философском материале: от первого упоминания идеи «должного» Аристотелем до «Деонтологии или науки о морали» Дж. Бентама.

Термин «деонтология» восходит к понятию «to deon» – «должное», которое впервые встречается в «Никомаховой этике» Аристотеля. Если философия, по Стагириту, есть стремление к мудрости, то знание, наука (epistēmē) есть путь к ней, способ её достижения. Если наука об «умозрительном», то есть, о причинах и началах – самая лучшая, высокая и свободная, то «наука о практическом», охватывающая область поступков, стремится не к мудрости, а к «рассудительности» (phronēsis). Именно поэтому Анаксагор и Фалес, в отличие от Перикла, – мудры, но не рассудительны, так как «видно, что своя собственная польза им неведома... знают они [предметы] совершенные, достойные удивления, сложные и божественные, однако, бесполезные...» (EN YI 7, 1141 b 5) [12, с. 179]. Теоретическое и практическое знание Аристотель связывает идеей блага как цели процесса познания. Знание того, что есть благо, Стагирит уподобляет мишени, познающего – стрелку: «И словно стрелки, видя мишень перед собою, разве не вернее достигнем мы должного?» (EN I 1, 1094 a 25) [12, с. 55]. Знание того, что конкретно есть «должное» и что должен делать человек в соответствии с этой идеей, то есть, правильность поступков людей обеспечивается знанием общего правила, оно, по Стагириту, таково: «Итак, поступать согласно верному суждению (kata ton orthon logon) – это общее правило, и мы примем его за основу...» (EN II 2, 1103 b 35) [12, с. 80].

Если Аристотель задал базовую *семантику понятия «должное»*, то на тонкости употребления этого понятия в философских текстах указал Юм Д.. Для Стагирита «to deon» определялось умозрительно постигаемым миром очевидностей полисной общности, то есть общим и разумным пониманием того, что есть «должное». Юм Д. в «Трактате о человеческой природе» выявляет ту «незаметность», с которой моралисты переходят в своих рассуждениях о добродетели на употребление глагола «должен» там, где прежде употребляли глагол «есть» [см.13, с. 229]. Это связано с его пониманием роли разума в практической сфере, в области поступков. Разум, по Юму, не является законодателем в сфере нравов, где всё происходит как бы «само», где порок и добродетель подобно «вторичным качествам» можно сравнить со звуками, цветами, теплом и холодом как перцепциями нашего духа. Позиция Юма – очевидный эмотивизм, а суждения морали, согласно эмотивизму, внушают определенные эмоции, формируют настроение, поэтому и нужен анализ душевной жизни, чувств, мыслей для выяснения происхождения моральных суждений. Нравственные отношения, по Юму, не могут быть предметом науки, сама нравственность не есть факт и во внешнем опыте не устанавливается. Критерий квалификации поступка в качестве порочного или добродетельного здесь – это наше чувство порицания или одобрения, которое легко обнаруживается во внутреннем опыте, является предметом чувств – это обстоятельство он и считает своим открытием в этике. Можно сде-

лать вывод, что изучение «должного» в соответствии с установками Юма может стать уделом психологии как исследования, анализа душевных процессов и лингвистики как исследования и анализа языка моральных суждений. В этом контексте понятно появление в 20 веке, например, соционики как учения об «информационном метаболизме», изучения «структуре ментальности этноса» и проч., в которой не стоят и не могут стоять деонтологические вопросы. Юм, можно сказать, задал аналитический контекст рассуждений о должном, позволяющий и даже предписывающий аналитическое отношение к вопросам долга и необходимость самоотчета автора деонтологического текста.

Наиболее полная экспликация «должного» в виде деонтической этики (этики долга) появляется в философии Канта И., который осуществил поиск каркаса, основа моральной жизни индивида – того, что принято называть моральными принципами. Он, по Канту, один – долг. Законы, основывающиеся на моральном принципе, должны обращаться к особой инстанции в человеке – доброй воле. Осуществляя своеобразную «реабилитацию» разума в области морали, Кант считал доброй волю, согласную с разумом, в котором для неё можно отыскать только один закон – категорический императив. Долгом в этом контексте считается мотив для поступка, вытекающего из доброй воли. Кроме того, Кант обнаружил весьма тонкую, трудную для распознавания, но чрезвычайно действенную связь между разумом и чувствами – особое чувство, возбуждаемое разумом, имеющее уникальную силу воздействия на сферу мотивов – моральное чувство, отвечающее моральному интересу. Объяснить его происхождение, по Канту, невозможно, оно – в природе человека. С ним связана и автономия моральной личности – личности, размышляющей о моральных принципах. Именно она как бы «носит» в себе человечество, она – его «лицо», к ней и должен быть обращен всеобщий и универсальный моральный закон, «закон долга». Рассуждая об этом законе, Кант демонстрирует силу его критической философии – самокритику, причем, прежде всего, философскую. Философ – тот, кто понимает, что силу императива имеет только один закон, он и есть принцип, тогда как все остальное (учение о добродетели) базируется на своеобразной «эстетике нравственности» [см. 14]. *Критическая* позиция философа, которую Кант вменяет ему в долг и говорит о «долге философа» подразумевает возможность и необходимость разграничения, различения убеждения и уговаривания, самокритику и дискурсивную самодисциплину в той области, которую анализировал Юм Д.: «если приведутся в движение моральные побуждения души и возбуждается живой интерес к ним силой красноречия..., то долг философа (допуская даже, что он ни во что не ставит требование искренности) разоблачить... и отделить то, что относится только к уговариванию, от того, что ведет к убеждению...» [15, с. 500]

Основы деонтологии как самостоятельной сферы исследований заложены, как известно, Бентамом Дж., который увидел область своей науки о морали «между наградой и наказанием» [16, р. 2], вне публичной сферы, вне сферы действия позитивного права – там, где находится сфера морали. Бентам подверг критике разветвленное учение о добродетелях, сведя их традиционно длинный список к двум – благо разумию (в отношении себя) и благожелательности (в отношении к другим), заложенных в человеке великой Природой. Обе они способны быть эффективным сред-

ством на пути к благу, в этом смысле, быть добродетельным для человека – и полезно, и выгодно. Впрочем, считает Бентам, пока он этого не поймет, бесполезно взывать к его нравственности и указывать на его долг, ибо (и в этом один из принципов бентамовой деонтологии) «каждый человек есть наилучший судья самому себе при выборе той линии поведения, которая в каждом случае максимально способствует его благополучию, что каждому человеку зрелого возраста и здравого ума должно быть позволено судить и действовать самостоятельно, и что все, что может быть сказано и сделано другим человеком с целью направить поведение первого есть не более чем глупость и наглость» [17, с. 231]. В этой связи понятно критическое отношение Бентама к самому употреблению глагола «должен» и понятия «долг». А в рамках такой критичности закономерно возникают вопросы: откуда у моралиста санкция на императивы? откуда легитимность предписаний, наставлений или даже просто советов «мудрецов»? у кого и на каком основании есть право сказать в мой адрес «ты должен»? Ни у кого, по Бентаму, такого основания нет. Бентам как бы «растворяет» деонтолога в других людях, отстаивая, мы сказали, своеобразную «интеллектуальную демократию», основанную на принципе интеллектуального и морального *ненасилия*. Удивительно, но этот сторонник идеи моральной автономии личности остался в памяти потомков, прежде всего, как автор проекта «паноптикона», модели тюрьмы, которая внушает ужас нашим современникам, но которая была для его времени очевидным достижением гуманизма.

Если присмотреться к целому набору вышеозначенных современных «отраслевых», профессиональных деонтологий, то может возникнуть вопрос: почему именно в этих сферах? Ответ находится в характере той коммуникативной ситуации, в которой профессионально находится юрист, врач, педагог. Потому что в деятельности такого рода создается *коммуникативная ситуация* с возможностью реализации власти, несанкционированных, нелегитимных императивов и даже насилия (интеллектуального и морального). Тот аспект профессиональной коммуникации, который затребует здесь саморефлексию, высвечивает необходимость самоопределения по отношению к Другому, в котором нет и не может быть внешней, позитивно-правовой определенности. Это сфера мотивов, сфера автономии, суждения о которой никогда не могут происходить извне, быть вынесенными Другим – только я могу определиться в отношении внутренних целей моей деятельности, такое самоопределение и должно быть вменено *мне мной самим* в долг. И только от меня зависит то, ради чего, и то, на основе чего я буду принимать решение в ситуации, требующей действенности моральных принципов. Выбор широкий – от материальной выгоды до установления справедливости и мира.

Таким образом, основание юридической деонтологии, на наш взгляд, должны составить следующие понятия и идеи:

Во-первых, понятие *анализа*, подразумевающее умение юриста различать, отделять сущее от должного, закон от императива, сферу теоретической философии от практической;

Во-вторых, понятие *критики*, подразумевающее возможность подчиняться дискурсивной самодисциплине, отдавать себе отчет в возможностях разума, знать,

где и по каким проблемам пролегает граница познания, граница между знанием и убежденностью, граница между убеждением и уговорами;

В-третьих, идея *ненасилия*, подразумевающая распространение принципов ненасилия на интеллектуальную и моральную сферы. В соответствии с этой идеей следует признать автономию личности и её право на те мотивы поведения, которые она считает приемлемыми.

И, в-четвертых, идея *коммуникации*, указывающая на коммуникативный аспект деятельности юриста, на необходимость саморефлексии в коммуникативной ситуации, на способность самостоятельного определения основных параметров отношения «Я-Другой».

Список литературы

1. Вригт Г. Х. фон Логико-философские исследования. Избранные труды / Г. Х. фон Вригт. – М. : Прогресс, 1986. – 600 с.
2. Герасимова И. А. Деонтическая логика и когнитивные установки / И. А. Герасимова // Логический анализ языка: Языки этики [отв. ред. Н. Д. Арутюнова и др.]. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 7-17.
3. Ferre F. Moderation, morals, and meat / F. Ferre // Inquiry. – Oslo, 1986. – Vol. 29, N 4 – p. 391-406.
4. Andrews W. Interests: The teleological conception and the deontological conception / W. Andrews // Journal of value inquiry. – Dordrecht, 1992. – Vol. 26, № 1. – P. 89-94.
5. Goodin R. E. Responsibilities / R. E. Goodin // Philos. quarterly. – St. Andrews, 1986. – Vol. 36, № 142. – P. 50-64.
6. Рикер П. Я-сам как другой / П. Рикер. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2008, – 416 с.
7. Скакун О. Ф. Юридическая деонтология: [учебник] / О. Ф. Скакун. – Харьков : Эспада, 2002. – 504 с.
8. Окусов А. П. Юридическая деонтология или профессиональная несостоятельность безнравственного юриста : [учебное пособие] / А. П. Окусов. – Ростов-на-Дону : Южно-Рос. гуманит. ин-т, 2001. – 268 с.
9. Деонтология в медицине: в 2-х томах / [под ред. Б. В. Петровского]. – М. : Медицина. – . – Т. 1. – 1988. – 352 с.
10. Левитан К. М. Зачем нужна педагогическая деонтология? / К. М. Левитан // Человек. – 1999. – Вып. 5. – С. 144-148.
11. Кобликов А. С. Юридическая этика : [учебник] / А. С. Кобликов. – М. : Издательство НОРМА, 2003. – 176 с.
12. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. – М. : Мысль. – . – Т. 4. – 1984. – 435 с.
13. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книги третья. О морали / Д. Юм. – М. : КАНОН, 1995. – 416 с.
14. Рыскельдиева Л. Т. Искусство делать добро: основы кантовской эстетики нравственности / Л. Т. Рыскельдиева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2009. – Том 22 (61), № 1. – С. 18-26.
15. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в шести томах. – М. : Мысль. – . – Т. 3. – 1964. – 799 с.
16. Bentham J. Deontology or the science of morality [ed. by J. Bowring] / J. Bentham. In two volumes. – London: Edinburgh. – . – Vol. II. – 1834, 316 p.

17. Рыскельдиева Л. Т. Деонтология в истории философии / Л. Т. Рыскельдиева – Симферополь : Таврия, 2004. – 384 с.

Рыскельдієва Л. Т. Ідейні підстави юридичної деонтології/ Л. Т. Рыскельдієва // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія : Юридичні науки. – 2010. – Т. 23 (62). № 1. 2010. – С. 3-10.

Стаття стосується однієї з фундаментальних проблем філософії права – проблеми обґрунтування деонтології. Здійснено пошук ідейних підстав юридичної деонтології на засадах її порівняння з деонтологіями медичною і педагогічною, а також на основі реконструкції основних моментів її історичного становлення.

Ключові слова: деонтологія, обґрунтування, аналіз, критика, комунікація.

Ryskildiyeva L.T. The ideological basis of the juridical deontology / L. Ryskeldieva // Scientific Notes of Tavrida National V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2010. – Vol. 23 (62). № 1. 2010. – P. 3-10.

The fundamental problems of deontology are concerned – foundation and justification. The comparison of juridical, medical and pedagogical deontology and the reconstruction of the key moments of the deontology's history were made.

Keywords: deontology, foundation, analysis, criticism, non-violence, communication.

Надійшла до редакції 19.01.2010 р